

ВЕРНЫЙ ДРУГ УКРАИНЫ

И.М. Дзюба

Почти четверть столетия тому назад в газете «Правда Украины» (в номерах от 2 декабря 1982 года и затем от 8 марта 1983 года) были опубликованы удивительные по жанру и по страстности «Три монолога любви к Украине» известного уже тогда осетинского писателя Нафи Джусойты. Они были по достоинству оценены культурной общественностью, а меня взволновали, кроме всего, глубоким постижением образа и творчества Тараса Шевченко. Я как раз намерился писать о Коста Хетагурове, видя в нем очень родственную Тарасу Шевченко душу, судьбу и миссию, – и тут читаю о нашем поэте то, что мог сказать только сын народа Коста Хетагурова! Обратившись к самому Нафи Джусойты, я получил от него полный, несокращенный текст «Монологов», и они были опубликованы в украинском переводе в журнале «Вітчизна» (1985, № 12).

Должен оговориться, что к тому времени имя Нафи Джусойты было мне хорошо известно – прежде всего, как активного участника теоретических и историко-методологических дискуссий на страницах журналов «Вопросы литературы», «Дружбы народов», «Литературной газеты». Знал его как высококвалифицированного, оригинального мыслителя и стилем критика и литературоведа, сочетающего академическую скрупулезность с темпераментом и принципиальностью бойца. Меньше знал его как поэта и прозаика, хотя был осведомлен о том, что в Осетии он славен прежде всего как поэт, автор повестей и романов (при всем огромном значении его труда как историка осетинской литературы и критика).

В 80-е годы мы с моим другом поэтом Владимиром Забаштанским (к сожалению, уже покойным) убедили Нафи предоставить нам подстрочники его поэзии, тексты ряда повестей, и Володя занялся переводом их на украинский язык. Так появились две небольшие книги Нафи Джусойты на украинском языке – поэзии («Моя Осетія») и прозы («Пісня на два голоси»).

Таким образом, я отчасти вошел в мир Нафи Джусойты как художника. Конечно же, трудно составить вполне адекватное представление

о нем, не владея осетинским языком и пользуясь русскими и украинскими переводами да подстрочниками (тем более, что в переводах он обеднен даже количественно), но какое-то общее впечатление от вчитывания во все переведенное все-таки создается.

И видишь лирического героя поэзии Нафи Джусойты – этот герой глубоко чувствует свою землю и свой род во всем объеме их исторического бытия и вместе с тем принадлежит миру, человечеству с его думами нынешними и вечными. В поэзии Нафи Джусойты – фольклорная мудрость его народа, та особенная «непроизвольная» философичность, что свойственна народному и поэтическому слову кавказских «верховинцев» и в которой отразились и культура восточной словесности с ее вкусом к метафоре, аллегории, афоризму, и нелегкий исторический и трудовой опыт, и суровое, «испытующее» величие природы, и взрывная, а вместе с тем безгранично выносливая натура горянина, сочетающая запальчивую эмоциональность с неуступчивым раздумьем. Но в этой поэзии – и неповторимая, утонченно интеллектуальная, граждански масштабная личность автора, нашего современника.

Один из сквозных мотивов лирики Нафи Джусойты – поэтическая дума о духовной и душевной сути человека, о его нравственной природе. Человек видится поэту в непростом житейском образе и драматическом сочетании противоречивых импульсов, но тем не менее померяется он самой высокой мерой – традиционных моральных заветов народа... Мотив унаследования гражданской и нравственной науки предков – менее всего декларативен, пусть и страстно, – он вбирает в себя спектр раздумий о конкретных жизненных ситуациях. С другой же стороны, он разрастается в мотив исторической памяти, в чувство многовекового бытия своего народа. И то, что пережили неисчислимые прошедшие поколения, становится предметом не только усилий воображения, но и какого-то интимного чувственного «подключения». Частый и, конечно, не случайный мотив в поэзии Нафи Джусойты – мотив горного перевала. В нем взаимонала-

Дзюба Иван Михайлович (Киев) – публицист, доктор филологических наук, профессор, действительный член НАНУ.

гаются конкретная ситуация личного опыта, устойчивое обстоятельство национального бытия и непринужденная поэтическая символика.

Достоинство, великодушие, рыцарство, «мужскость» – вот качества, составляющие «кристаллическое строение» лирического героя поэзии Нафи Джусойты. В его интимной лирике – такой же, как у Расула Гамзатова, культ женщины, такое же мужское чувство обязанности ей и вечной вины перед нею, перед ее готовностью жертвенно брать на себя бремя ответственности за всю мистерию любви... (Тут, возможно, отзывается обновленная восточная поэтическая традиция, обогащенная опытом мировой поэзии).

Большое место в лирике Нафи Джусойты занимают раздумья о миссии поэта, о его эстетическом кредо и нравственном существе, а еще чаще – о своем личном самочувствии как поэта ввиду высокого понимания долга перед родным народом и, можно сказать, перед духовностью человечества. Диапазон этих раздумий широк, но хотелось бы отметить два полярных момента в диалектике творческого самосознания. Первый – высокий полюс самокритичности и чувства малости своих сил перед величием цели, перед масштабом творческой меры, которую «назначаешь» поэзии. Но есть и другой полюс, такой же высокий, – полюс ответственности и призванности. Поэт в лирике Нафи Джусойты предстает как прямой восприимчивый славы, достоинств и идеалов героических предков, как воплощение лучших черт национального характера и соучастник народной судьбы.

В «народочувствовании» Нафи Джусойты есть и общее для всех граждански значительных поэтов, и свое особенное. Это последнее связано, в частности, с мотивом «малой» нации. Последовательно развивает он мысль о достоинстве и ценности «малого» народа для человечества и его истории, культуры, полемически противостоя политическому и культурному эгоцентризму, капитулянтским представлениям о слепом всемогуществу Истории-нивелиатора.

Если в поэзии Нафи Джусойты проблематика судьбы народа отражается через призму субъективного мира лирического героя, то в прозе – в большей степени через объективные картины жизни. Как правило, в его повестях смоделированы ситуации, концентрирующие в себе движение народной истории в последовательности поколений, изменения в мироощущении, морали, обычаях, быту, во всем укладе жизни. Характерно, что проблема преемственности поколений предстает у Нафи Джусойты не столько в плоскости «отцы-дети»,

сколько в плоскости «деды-внуки». Видимо, в «среднем» поколении он не находил конструктивной опоры для своих моральных концепций. Видимо, среднее, деятельное поколение не столь «бескорыстно» в нравственном самоопределении, как те, кто уже оканчивает жизненный путь, и те, кто его только начинает. Или отозвался свойственный вообще литературе, многим писателям во все времена особенный интерес к сопоставлению старости и детства как двух сокровенных полюсов жизни?

Но есть у Нафи Джусойты и иное осмысление жизни относительно душевного состояния человека и духа народного. Обычно мы представляем, что «старость» передает свое наследие «молодости» – таким мыслится взаимодействие поколений. Но, с другой стороны, прошлое – это младший возраст человечества, и наследование поколений есть процесс исторического взросления человечества. Как и каждому человеку, так и человечеству в целом очень важно не растерять драгоценное наследие своего детства, своей молодости. Не потому ли Нафи Джусойты одно из лучших своих прозаических произведений – свои лирико-философские раздумья о родной земле и родном народе – назвал: «Песня на два голоса»? Во взрослой личности всегда живет еще «кто-то» иной – дитя, живая поэтическая память о детстве. Только эти двое вместе, то споря между собой, то друг друга дополняя, и создают полноценную личность, сочетающую в своем самосознании свое прошлое, настоящее и будущее. Можно сказать, что так и каждый народ достигает полноты своего духовного образа, духовного бытия в диалоге трех ипостасей – прошлого, настоящего, будущего.

Характером прямого страшного изложения авторских мыслей и мерой их обобщенности «Песня на два голоса» Нафи Джусойты напоминает морально-философское эссе, а внутренним пафосом, концентрацией патриотической и интернационалистской духовной энергии родственна таким чудесным книгам, как «Мой Дагестан» Расула Гамзатова и «Семь песен об Армении» Геворга Эмина. Такие книги, дающие обобщенный «портрет» своего народа, картину его достижений в материальной и культурной сферах, вклада в историю человечества, не случайно начали появляться в 70–80-е годы в литературах народов тогдашнего СССР: это был ответ национальных литератур на обострение противоречия между возрастанием национального самосознания народов и проблематичностью их дальнейшего исторического развития в условиях нарастающей русификации; выход виделся в утверждении неизвращенного интернациона-

листского мироощущения и мировоззрения, в истинной, а не декларативной и фальшивой дружбе народов, в повышении культуры межнациональных отношений как альтернативе гегемонизму и нивелиаторству, наступавшим под маской создания «новой исторической общности – единого советского народа». Прошли десятилетия, изменились политические и исторические обстоятельства, породившие этот всплеск углубленного «самоанализа» в литературах «подсоветских народов», но не устарел его благородный гуманистический смысл, и культурно-созидательный потенциал соответствующих произведений далеко не исчерпан...

Много лет напряженного труда отдал Нафи Джусойты написанию цикла исторических романов и повестей, которые должны были охватывать время от скифской эпохи до XIX столетия: от эпоса периода военной демократии до первых осетинских просветителей конца XVIII и начала XIX ст.; другой цикл – произведения, навеянные раздумьями о том, что случилось с осетинами в XX столетии. Не знаю, все ли задуманное удалось совершить, но список уже изданных его романов и повестей внушительен.

А ведь в это же самое время Нафи Джусойты напряженно работал и как литературовед, интерпретатор осетинской литературы, литературный критик с широким диапазоном интересов. Полстолетия тому назад вышел его первый научный труд – книга «Тема Кавказа в русской литературе и в творчестве Коста Хетагурова» (Сталинири, 1955). Привлекая к анализу большой материал из художественной литературы и публицистики XIX ст., исследователь едва ли не с наибольшей к тому времени полнотой и масштабностью показал борьбу разных политических позиций вокруг темы Кавказа в российской общественной мысли, эволюцию взглядов передовых людей – от сочувствия вольнолюбивым горцам до активного разоблачения колониальной политики царизма. В этом контексте борьба Коста Хетагурова за социальное и национальное освобождение своего народа предстает и как важный своеобразный вклад в идеологию революционной демократии, которая создавалась усилиями передовых людей многих народов царской России.

Затем одна за другой следуют книги: о Сека Гадиеве (1958), Коста Хетагурове (1959), Арсене Коцоеве (1964), Цомаке Гадиеве (1965), Елбаздуко Бритаеве (1969), Нигере (1990) и другие. И как обобщение многолетней исследовательской работы – капитальная «История осетинской литературы» в двух томах (1980; 1985). Два последующих тома, посвященных

осетинской литературе советского периода, кажется, так и не вышли.

При всей этой погруженности в материал истории литературы, Нафи Джусойты активно выступал как критик, в поле зрения которого находилась широкая картина литератур народов СССР; его критические выступления отличались методологической выверенностью, культурой анализа, оригинальностью мысли и весомостью обобщений, стилистическим блестящим изложением. А еще – высотой представления о миссии литературы, а отсюда – и суровой требовательностью к себе и к коллегам. Наверное, это последнее не делало легче его жизнь литератора...

Поистине огромный диапазон блестящего переводческого творчества Нафи Джусойты. Благодаря ему осетины могут читать на родном языке десятки выдающихся произведений мировой литературы. Мы, в Украине, благодарны ему за то, что в этом широком списке – имена Тараса Шевченко, Ивана Франко, Леси Украинки, Павла Тычины, Максима Рыльского, Владимира Сосюры, Андрея Малышко. Украинскую литературу Нафи Джусойты знает досконально, читает ее в оригинале – хорошо владеет украинским языком. О глубоком интересе его к нашей литературе я могу судить и по переписке с ним, которую мы интенсивно вели в 80-е годы. Его письма столь содержательны, интересны и интерпретируют такие важные на сегодня темы, что я буду просить Нафи Григорьевича разрешения опубликовать их в своих мемуарах, над которыми сейчас работаю. К сожалению, в 90-е годы наша переписка оборвалась, письма не доходили, и только недавно мы «разыскали» друг друга. Увы, полтора десятилетия выпали не только из личных связей, но – что еще горше – из связей литератур. Полный коллапс.

Недавно я писал статью о башкирской литературе для «Енциклопедії сучасної України». Дошел до 90-х годов XX столетия – и остановился. Ни одного поступления книг, журналов, газет – даже в самых что ни на есть научных библиотеках. Добро, малость помогло башкирское землячество в Киеве. И этот провал в полтора десятилетия (пока что в полтора) касается всех литератур народов, входивших в состав СССР. Даже столь близкой и родственной нам белорусской! Только русская представлена в избытке, но и тут коммерческие каналы осуществляют свою специфическую избирательность, которую не хочется комментировать. По-моему, это трагедия. И тем более удручающая, что ее мало кто осознает. В Украине, как и в России, Литве, Латвии, Эстонии интеллигенция устремила свои взоры на

Запад, забыв о том, что существуют еще три стороны света, иначе он был бы сплюсненным. Попытки напомнить о великих духовных богатствах больших и малых народов Кавказа, Средней Азии, Сибири; о том, как мы помогали друг другу выстоять, защитить свои культуры и языки, объединяясь против нигилизма и великодержавничества, – увы, пока что мало кого трогают. Неблагодарность... Остается надеяться, что стремление к культурной полноценности, универсальности окажется, в конце концов, сильнее стереотипов и предубеждений, поддержит потребность знания, взаимопознания. Ведь, наверное, все культуры на постсоветском пространстве страдают сегодня от перекрытия даже тех, по правде говоря, не столь уж и достаточных, каналов взаимодействия, которые существовали не так давно...

Тем временем читаю новую книгу Нафи Джусойты – «Уроки Васо Абаева» (посвященную выдающему ученому, старшему другу) – и вижу, что он по-прежнему свято оберегает «вкус правды» от безвкусицы: это сказал о нем другой светлый человек, Имант Зиедонис, два десятилетия тому назад («Литературная газета», 27 апреля, 1983 года); что он по-прежнему верен своему девизу: «Жить без гор, без идеалов, без неба, без высоких целей – значит, впасть в прозябание, приобретательство, тупоумный эгоизм, предать в себе все доброе и достойное уважения... Жить так можно, но не надо. Противопоказано Человеку» (Нафи Джусойты. Чем люди живы? – «Литературная газета», 16 ноября 1983 года). В жизни Нафи Григорьевича Джусойты есть горы, устремленные в небо. И да пребудет он в пути.

FAITHFUL FRIEND OF UKRAINE

Dziuba I.M.

